

Марианна Крамм

Твоя Мари

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Марианна Крамм

Твоя Мари

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48650355

SelfPub; 2024

ISBN 978-5-532-04239-1

Аннотация

Подчинить тело просто. Сложнее подчинить душу. Как не сломать друг друга и найти гармонию там, где, казалось бы, ее нет и быть не может?.. Взгляд на непростой мир БДСМ изнутри и снизу. Без оттенков – только боль. В оформлении использовано фото Espressolia с сайта рухабай. Содержит нецензурную брань.

Марианна Крамм

Твоя Мари

Марианна Крамм.

Твоя Мари.

Автор не пропагандирует, не старается сделать БДСМ популярным, не предлагает пробовать на себе.

Каждый человек как-то определяет для себя свое внутреннее «я». И практически каждый принадлежит к какой-то группе людей. Некоторые называют это «клубами по интересам», некоторые – «неформальными объединениями». Ну да – кто-то косплеер, кто-то руфер, кто-то анимэшник (вот им что – русских слов не хватает для обозначения собственных пристрастий?). Кто-то любит панд, кто-то мотоциклы. А я люблю боль.

В последнее время вокруг нашей тусовки развелось слишком много мифов и сказок, зачастую не имеющих ничего общего с реальностью. Все эти пресыщенные мультимиллионеры с «тайными» комнатами в своих дворцах существуют только в фантазиях авторов. На самом же деле БДСМ-тусовка весьма различна и по социальному статусу, и по отношению к жизни. Собственно, как и позиционирование. Я, например, маза, мазохистка. Интересное слово, да? Но для тех,

кто в курсе, ничего в нем нет интересного – это как половая принадлежность. Кто-то Доминант, кто-то подчиняющийся ему сабмиссив, кто-то Верхний, кто-то – нижний... а я вот маза. Мазохистка, отдающая свое тело во власть Садиста с единственной целью – получить удовольствие от боли. Такая вот у меня... хм... ориентация. И это вовсе не значит, что я ненормальная или еще что-то.

Я обычная женщина, просто люблю не то, что все. Это началось задолго до всех этих типа «культовых» романов, сочиненных скучающими домохозяйками. Те, для кого Тема не игрушка, а жизнь, существовали задолго до английской мадам с ее фантазиями. Просто они романов о себе практически не пишут. Они этим живут.

Вот и мы живем – я и мой Верхний. Мы вместе очень много лет, это своего рода рекорд. Но в Теме, как и в жизни, тоже ничего не длится вечно. Тема – это даже не про физиологию, это про чувства. И порой даже больше про чувства, чем обычные, так называемые ванильные, отношения. Потому что там все острее, честнее и больнее. А больно будет непременно – и неважно, будет это боль от плети или боль от расставания.

*Апрель-август 200*года.*

Нам всегда было трудно вместе. Парадокс, но расстаться мы тоже никак не решались, потому что врозь оказывалось еще труднее. Искать же замену... Не знаю, как Денис, а я

даже думать об этом никогда не хотела. Проблема не в том, чтобы найти мужчину для секса. Проблема в том, чтобы суметь доверить себя, свое здоровье, свою жизнь. Для такого доверия нужны годы, а хлынувшие в Тему неофиты совершенно не понимают каких-то основных законов, по которым отношения в ней развиваются. Меня это и пугало, и разочаровывало, потому я на многие действия Дениса просто закрывала глаза. Так было проще.

Проблема же заключалась еще и в том, что я не вижу края. Не чувствую той грани, за которую никак нельзя – и это очень пугает Дэна. После первого моего обморока, в который я хлопнулась от болевого шока, он серьезно мне сказал:

– Зайка, в Уголовном кодексе есть три статьи, по которым ты можешь запросто упечь меня в тюрьму – 116, 117 и 132, а если словами и попроще – то побои, истязания и насильственные действия сексуального характера. По совокупности могу получить пожизненно. Не думаю, что ты этого хотела бы, правда?

Я согласно кивнула и усмехнулась про себя – какой грамотный, даже УК прочитал... Но все оказалось намного серьезнее...

Верхний в ответе за нижнего – это аксиома. Нижний передает все права на себя, свое тело Верхнему. И потому он должен постоянно контролировать и себя, и того, кто под ним. А это невозможно, если нижний – такой, как я – то есть «без башни». Я не понимаю стоп-слов, ни разу не произно-

сила, чтобы остановить экшн. И это пугает Дениса куда сильнее моих обмороков. Но как, как я могу остановить то, что мне нравится? Мне нравится свист плети, нравится ощущение беспомощности и неизвестности – когда ты не видишь, что именно в руках у твоего Верха в данный момент, когда знаешь, что никак не можешь повлиять на ход событий. Когда все внутри замирает именно от этой неизвестности, когда сексуальное удовольствие приходит с ударом...

Философия этих отношений проста до безобразия, и если делать все, как положено – то все будет в полном порядке – и овцы целы, и волки сыты. Но я слишком часто пренебрегаю этими правилами – я знаю и каюсь, но сделать ничего не могу.

Так к чему я все это? А, да... Ощущения... Когда я впервые согласилась попробовать, то ожидала, если честно, чего-то совсем другого, только не того, как это было. Я даже не знала, что так может быть... И когда впервые тонкая черная плеть коснулась моей спины, я испытала такое ощущение, за которое отдам все на свете... И с этого началась вся моя любовь.

Мы познакомились давно – еще в школе, в выпускном классе. Учились вместе на подготовительных курсах в медицинский институт, ездили домой одним автобусом – Денис жил чуть дальше, чем я, в микрорайоне на горе, а я напротив больницы, в которой позже оба будем работать. Ничего

романтичного – встречи на занятиях два-три раза в неделю, поездки до дома.

Я была серьезной, училась хорошо, готовилась к поступлению и ни о каких отношениях вообще в тот момент не задумывалась, передо мной стояла другая цель – институт. Хотя Денис понравился мне сразу, едва вошел в длинный, как пенал, кабинет в старом корпусе. Таких красивых парней я, кажется, прежде и не видела.

Он действительно был очень хорош собой – высокого роста, почти под два метра, стройный, широкоплечий, с черными волосами и какими-то бездонными, почти без зрачков, глазами. И взгляд этих глаз по какой-то непостижимой причине оказался сразу прикован ко мне. И Денис направился к нашей парте – длинному столу на пятерых, где нас сидело четверо. Он присел с краю, между нами оказалась моя подруга Сашка, но Денис все занятие то и дело выглядывал из-за нее, стараясь поймать мой взгляд. Я вжималась в стену, чувствовала, что краснею, и не могла понять, что происходит.

При довольно обычной внешности я была девицей самоуверенной, а острый и хорошо подвешенный язык, говорят, вообще эту внешность затмевал – часто мой собеседник потом не мог четко сказать, как я, собственно, выгляжу. Я привыкла не считать себя красивой, но и дурнушкой тоже не была. Однако внимание Дениса по всем канонам не должно было достаться мне – вокруг сидело множество девчонок с куда

более эффектной внешностью, лучше одетых, ярких. Да та же Сашка...

Но – нет. Он впивался в меня этим взглядом, и я мучительно смотрела на часы в ожидании окончания занятия. И вдруг оказалось, что нам по пути на остановку, и даже маршрут нужен один.

Вот так и началось...

Правда, на следующем занятии Денис вдруг сел на соседний ряд и так, чтобы видеть меня, едва повернув голову. Я заметила, что он после таких взглядов склоняет голову к тетради и что-то не то пишет, не то рисует – даже в момент, когда преподаватель ничего не диктует. Оказалось, он заканчивал художественную школу и прекрасно рисовал. Собственные изображения я обнаружила в его тетрадях, когда он привез мне конспекты в больницу, куда я попала в начале зимы.

Это было очень неожиданно – и этот его визит, и тетради, и портреты, украшавшие задние страницы, а то и просто нарисованные поверх текста лекции. Рисовал он действительно очень хорошо.

Я видела, что нравлюсь ему – уж не знаю, что его так привлекло, почему он больше ни на кого не обращал внимания. Но я очень боялась заводить отношения с красавчиком, в чем признавалась себе только в дневниках, которые вела всю жизнь, класса с пятого. Я очень боялась возможной боли от расставания – уж не знаю, почему решила, что мы непременно должны будем расстаться. Но страдать не хотела, не хо-

тела чувствовать себя брошенной. О том, что могу бросить сама, почему-то даже не думала.

Словом, Дениса я держала на расстоянии, хотя иногда соглашалась пойти в кино или просто прогуляться. Но разве можно считать это хоть какими-то отношениями, даже просто дружескими? Ну, нет ведь.

Тему как таковую мне открыл, разумеется, тоже Денис, и случилось это на втором курсе института. Я не испугалась, не отшатнулась в ужасе, когда увидела выпавшие на пол из шкафа в его комнате кляп и наручники. Я даже не заметила, каким изучающим стал его взгляд, как Денис весь напрягся, натянулся, словно струна на гитаре, как ждал моей реакции.

А у меня внутри вдруг что-то заныло сладко, затрепетало от предвкушения – мне захотелось понять, что испытывают люди, играя в эту игру. То, что это совсем не игра, а настоящая жизнь, я поняла чуть позже и ни разу не пожалела о своем открытии.

Я не спрашивала у Дениса, откуда у него все эти инструменты, где и когда он научился владеть плетью и стеком – не знаю, почему. Но зато я как-то слепо ему доверилась, как будто чувствовала, что он не причинит мне вреда. И потом, мне очень нравилось видеть, какое удовольствие ему самому доставляет все то, что он со мной делает. Мы и до этого оказывались в одной постели, это тоже вышло как-то совсем естественно, словно бы так должно было произойти – и произошло. Но Тема, конечно, сделала наши отношения

совсем другими, и даже обычный ванильный секс перешел на совершенно иной уровень. Подозреваю, что причина такой откровенности Дениса крылась в одном моем поступке, за который я долгое время испытывала не то чтобы стыд, но неловкость – точно.

Я изменила Денису единственный раз. Ну, как – «изменила»... В то время мы с ним еще и вместе-то не были, если уж объективно, да и Темы тогда в нашей жизни еще не существовало тоже. Мы уже побывали в одной постели, сделали это не раз – но я по-прежнему отказывалась от каких бы то ни было более серьезных шагов. Отношений с Денисом я не хотела и не планировала.

И был у меня поклонник... Класа с седьмого он увивался вокруг, провожал до дома, говорил какие-то витиеватые комплименты, стараясь казаться умным и загадочным. Мне он совершенно не нравился, даже не могу объяснить, чем и почему. Нормальный был парень, симпатичный, высокий, на самом деле умный, если бы не напускал на себя этот дурацкий флёр загадочности... Но – не мой. По нему откровенно сохла моя одноклассница, но я думаю, что это, скорее, было вызвано комплексом – высокий рост для девушки всегда проблема, а парни в нашем классе практически все были низкорослыми... Ну, вот Валерка ей и нравился по принципу схожести габаритов.

А Валерка не видел никого, кроме меня. Я была девка злая, частенько очень сильно его обижала... Два последних

школьных года он по иронии судьбы доучивался в одном классе с Денисом – в другой школе, но меня из поля зрения не терял, да и жили мы в одном доме.

Когда в выпускном классе мы начали посещать подготовительные курсы, и Валерка однажды встретил нас с Денисом, вечером идущих с остановки к моему подъезду, он, мне кажется, все понял. Но попыток не оставил, продолжал дарить мне цветы и приглашать то погулять, то в кино. Я этих приглашений не принимала, цветов не брала, и букеты умиралы воткнутыми в почтовый ящик.

А потом, уже учась в разных институтах, мы вдруг оказались в одной компании – как раз на дне рождения той самой одноклассницы, до сих пор тайно влюбленной в Валерку. Я в тот момент уже приобрела кое-какой опыт в постели с Денисом, и, видимо, это как-то отразилось в моей внешности и поведении, потому что Валерка мгновенно почуял, что я изменилась.

Я обычно не пила больше двух бокалов вина, крепких напитков в то время вообще не пробовала, хотя все мои подружки лихо пили водку и спирт «Роял», разведенный для вкуса и цвета напитком «зуко» или «инвайт» – та еще была химическая гадость в порошках... Но я подобных изысков не признавала, потому Валерка, решительно настроившийся в тот вечер хоть что-то от меня получить, умудрился добавлять мне водку в компот – концентрированный и сладкий до такой степени, что перебивал даже вкус спиртного.

Мы сидели с ним вдвоем в кухне, куда то и дело заглядывала виновница торжества, приглашая Валерку на танец. Он отказывался, говорил, что нам нужно обсудить что-то срочное... В итоге я даже не поняла, как мы оказались в спальне на большой кровати. Валерка стянул с меня блузку и замер, видимо, не зная, что делать дальше. А меня понесло – я встала, спокойно сняла лифчик и, подойдя к ошалевшему от такого Валерке, положила руки ему на плечи и, глядя в глаза, прошептала:

– Ну, что же ты? Хотел ведь... так возьми...

Его руки, прикасавшиеся ко мне, тряслись так, словно его било током. Я довольно плохо соображала, но то, что в постели ему до Дениса как до Китая пешком, поняла четко. А потом, когда Валерка, потрясенный новыми ощущениями, полез ко мне с поцелуями, я вдруг испытала такое отвращение к себе, что не смогла справиться.

Оттолкнув ничего не понимающего Валерку, я села на кровати в темной чужой комнате и прошипела:

– Убирайся отсюда!

– Маш... ну, чего ты, Маш... – забормотал он виновато.

– Я не хочу тебя видеть! – стараясь не закричать, выдавила я, и Валерка встал:

– Ну, скажи, что мне теперь сделать? Что сделать, чтобы тебе стало хорошо?

– Просто сдохни! – рывкнула я, хватая с пола юбку, блузку и белье и отскакивая в самый дальний угол комнаты, чтобы

быстрее одеться и уйти отсюда самой.

Валерка повернулся ко мне спиной, наскоро оделся и вышел из комнаты. Я услышала, как его встретили взрывом хохота, а потом хлопнула входная дверь – он ушел.

Я тоже оделась и выскользнула из спальни, сгребла с вешалки свое пальто и, сунув ноги в ботинки, незаметно испарилась. До дома было совсем недалеко, темноты я не боялась, шпаны – тоже, как раз в то время злополучный местный «делован» по кличке Винт начал проявлять ко мне знаки внимания, и об этом, конечно, все местные знали, потому меня не тронули бы, даже гуляй я по району в чем мать родила.

Прогулявшись по свежему воздуху, я немного протрезвела и пришла в себя, и все произошедшее стало выглядеть еще отвратительнее. Мне было стыдно даже не за то, что я переспала с Валеркой, а за то, что именно с ним я поступила абсолютно не по-человечески. Да еще и напоследок убила словами...

Однако самое страшное началось назавтра. Валерка пропал. Он не пришел ночевать домой, не появился в институте – вообще нигде не появлялся. Его родители находились в командировке где-то на Севере, искать его было некому, а я узнала о его пропаже от подружки Сашки. Она выловила меня между лекциями в институте и произнесла страшным шепотом, округлив голубые кукольные глаза:

– Ты слышала, что Валерка Михеев пропал?

– Как – пропал? – удивилась я. – Куда?

– Никто не знает. Только после Анькиного дня рождения его никто и не видел, – Сашка окинула меня подозрительным взглядом. – Слушай, Машка... а ведь у вас было что-то с ним, да?

– У меня?! – не совсем натурально переспросила я. – С ним?! Ты совсем, что ли?

– Да ладно! Анька рыдала, когда вы в спальне закрылись – мы так и подумали, что вы там... того...

– Придурки... – процедила я, чувствуя, как запылали мои щеки.

– Ма-аш... – протянула Сашка, пристально глядя мне в глаза. – Ну, серьезно, Ма-а-аш... мне-то не ври, а? Было? Ну, скажи – было же, да? – и я, не сдержавшись, кивнула головой. – Офигеть! – выдохнула потрясенная Сашка. – А... как же Денис?

– А при чем тут Денис?

– Ну, вы же вроде как... или нет?

– Или нет.

– Но ты сумасшедшая... Это, выходит, потому Валерка из квартиры рванул...

– Да не потому он рванул, – с досадой сказала я, понимая, что уже через час пожалею о том, что все рассказала Сашке. – Я ему сказала – сдохни.

– Зачем?!

– Да не знаю я... разозлилась... не надо было, конечно...

Сашка помолчала пару минут, а потом выдала:

– Машка, а если он на самом деле...

– Что? – даже не сразу уловила я ход ее мысли.

– Если, говорю, он на самом деле с собой что-то сделал?

Ну, потрясение, все такое... вот психика и не выдержала...

Эта мысль поразила меня как удар током. А ведь действительно... Сашка же могла оказаться права, и Валерка, оскорбленный моим поведением и моими словами, запросто мог... о, нет, вот только не это...

А Сашка подливала масла на разгорающиеся дрова:

– Ты прикинь – выходишь утром из квартиры, а он на лампочке висит, прямо на твоей площадке... или с крыши сбросится под твои окна...

– Да заткнись ты! – не выдержала я и побежала в гардероб за пальто.

Решив, что на лекции высидеть уже не смогу, поехала домой, по дороге все думая, как поступить и что делать. Долго кружила у Валеркиного подъезда, не решаясь зайти, но потом пересилила страх и поднялась на этаж, нажала кнопку звонка. Никто не открыл, я прижала ухо к двери – в квартире было тихо. Я позвонила еще раз, еще – но результат оказался прежним, и мне ничего не осталось, как пойти домой.

Страшные картинки, нарисованные Сашкой, не давали мне покоя, я утром боялась подойти к двери и открыть ее, чтобы не наткнуться на висящего на лампочке Валерку. Так продолжалось еще три дня, а потом я вдруг увидела, как он

идет с автобусной остановки и держит под руку чуть полную девушку с длинной русой косой, переброшенной через плечо. Валерка смотрел на нее сверху вниз, чуть склонив голову, и улыбался. У меня в этот момент словно груз упал с плеч, даже дышать стало легче – ну, слава богу, все обошлось...

Денису я об этом, кстати, рассказала во время очередной встречи, и он долго хохотал – подозреваю, ему льстило, что кто-то не выдержал сравнения с ним в моих глазах.

Единственный человек, перед которым мне было стыдно долгие годы, это Анька. Мы никогда об этом не говорили, хотя после произошедшего общались еще пару лет. Но у меня внутри всегда сидело вот это – я, совершенно не придавая значения чужим чувствам, спокойно соблазнила парня, который нравился моей подруге, пусть и не близкой. Да, Валерка Аньку в упор не видел, она ему не нравилась, но я-то знала о ее чувствах к нему, и меня это не остановило. Валерка не был мне нужен – и никогда не смог бы стать для меня кем-то важным, даже после того, как мы оказались в одной постели. Но, думаю, он и сам все понимал, потому что был его выбор – переспать со мной. Анька же оказалась пострадавшей стороной... Но со временем и она перестала питать иллюзии насчет Валерки, и я успокоила свою совесть и благополучно обо всем забыла.

Припомнил мне эту историю Денис через много лет, и я удивилась, что он до сих пор не выбросил из головы доволь-

но незначительный для него факт. Но оказалось, что незначительных фактов для Дениса просто никогда не существовало – если они касались меня хотя бы косвенно.

Думаю, что именно этот мой финт и стал для Дениса определяющим. Он побоялся потерять меня и решил, что Тема – то, чем он сможет удержать меня рядом.

И оказался прав.

Разумеется, не все в моей жизни упирается в Тему. Так вышло, что я не замужем и не особенно стремлюсь, не хочу детей, да и не могу их иметь по определенным причинам. Несколько последних лет я довольно успешно уживаюсь с тяжелым заболеванием, о котором не особенно люблю распространяться. У меня неоперабельная форма рака груди, вот такая ирония. Живу – и слава богу. Мои родители, похоже, давно махнули на меня рукой и заняты дачей и туристическими поездками. Я рада, что они могут себе это позволить, и частенько советую какие-то новые маршруты.

Я, как и Денис, окончила медицинский институт, поработала пару лет и уволилась – для этого у меня была веская причина. Об уходе из медицины никогда особенно не жалела, хотя работу любила. Теперь же я зарабатываю на жизнь, сдавая в аренду автомойку, автосервис и довольно большой магазин. Все это было приобретено по случаю и практически за бесценок, и теперь, с годами, начало приносить неплохую

прибыль. Арендаторов я выбираю тщательно, а потому никаких конфликтов не возникает. Механизм запущен, отлажен, работает не хуже швейцарского хронометра. Я редко появляюсь в своем небольшом офисе, в основном дела ведет мой бухгалтер. Я же имею возможность жить так, как хочу – ездить куда-то, покупать хорошие вещи и любимую косметику, развлекаться и «прожигать жизнь», как часто выражается моя мама.

У Дэна в этом смысле все сложилось не так радостно. Он по образованию травматолог, имеет специализацию по спортивной медицине, однако с командами как-то не получилось, потому он устроился в диспансер, сидит там на медосмотрах да подрабатывает массажами и дежурствами в травматологии. Он несколько лет жил с женщиной, которая родила ему сына, но отношения никак не оформлял. Я не знаю, чем это объясняется, да мне и не особенно интересно. Их встреча произошла в тот момент, когда мы не были вместе, расставаясь на какой-то срок, но я и этим особенно не интересуюсь. Всегда считала, что личная жизнь моего Верхнего – это только его проблемы, влезать в которые я не желаю. И еще...

Мне никогда за все эти годы не приходила в голову мысль согласиться на предложение Дэна жить вместе, с которым он подступал ко мне неоднократно. Никогда, клянусь. Мне нужно пространство, где я буду наедине со своими мыслями, где я буду абсолютно свободна.

У Дэна же непреодолимая страсть контролировать меня,

и его злит, что отношения типа «Доминант-сабмиссив» мне никак не по формату. Я просто не могу представить, что за меня кто-то что-то будет решать и в жизни, а не в экшне, а в Д/с должно быть именно так – саб позволяет Дому распоряжаться своей жизнью, он не может самостоятельно принимать решения, он обязан спрашивать разрешения на любое действие. Ну, куда мне...

И просто не представляю, как бы мы жили. Когда любишь конфеты и ешь их в неограниченном количестве каждый день, рано или поздно они надоедают тебе до того, что ты начинаешь их ненавидеть. Так и с Темой. А я не хочу ненавидеть то, что приносит мне удовольствие.

Неделя не задалась определенно. Что за невезение – прямо не знаю. Вчера поехали с Дэном в секс-шоп. Ну, хочется иной раз какого-то разнообразия, каких-то новых игрушек, новых ощущений.

Секс-шоп в нашем городе – понятие такое... эээ... ну, короче, просто понятие. Нас там, кажется, уже в лицо узнают. Но сегодня продавец какая-то новая, худенькая девушка лет около двадцати пяти, в узком джинсовом комбинезоне, с длинными черными волосами и челкой на пол-лица. Дэн рассматривает витрину с девайсами, я со скучающим видом перебираю белье на стойке – люблю это дело. Девушка поглядывает в сторону Дэна с легким ужасом. Он снимает с крючка плетъ – к ним у него слабость – крутит ее в руках,

взмахивает пару раз и откладывает в сторону. У продавца глаза по семь копеек. Дэн это замечает и сразу настраивается «на пошутить».

– Иди сюда, быстро! – командует он, и я, подыгрывая, бросаю белье и бегу к нему. – Лечь на прилавок грудью! – подчиняюсь, давясь от смеха. У девчонки лицо белое... – Девушка, можно, я девайс попробую? – совершенно другим, интеллигентным тоном спрашивает Дэн, и девахе реально плохо:

– Как... как – попробуете?

– Ну, попробую – как будет работать? Я не во всю силу, немного выпорю ее – и все, – он размахивается и, задрав мое пальто, врзает по заду, я вздрагиваю:

– Да... хорошо...

Он бьет меня еще пару раз, но не в полную силу, а в шутку, и я отворачиваюсь от девушки, чтобы не зарыдать от смеха, а та вдруг срывается с места и с криком убегает в подсобку. Я валюсь на корточки с прилавка и закатываюсь так, что Дэн пугается, хватая меня за руку и тащит к выходу.

Уже в машине я успокаиваюсь и зло говорю, закуривая:

– Вот скажи – мы что – извращенцы, прокаженные? Неужели люди настолько закомплексованы, что любое инакомыслие готовы считать ненормальным? И кто – продавец в секс-шопе, а?! Ну, да – я люблю, когда мне причиняют физическую боль – и что? Я от этого как-то иначе выгляжу или что?!

Он обнимает меня за плечи и прижимает к себе:

– Тебе не наплевать ли на всех, дорогая моя? Есть ты – есть я... нам хорошо, да? А остальные путь тусуются.

Я – нижняя неправильная. Подчинение – это не мое, и Дэна это очень злит. Он слабее по характеру, поэтому ему просто-напросто не хватает воли, чтобы сломать меня. Я доминирую снизу – так это называется в наших отношениях. А когда Верхний делает то, что хочет нижний, это уже не совсем Тема.

Как только я чувствую слабость – конец всему. А Денис, которого в местной «тематической» тусовке все называют Мастером или Мастером Дэном, никак не может понять, что даже прямым насилием добиться от меня подчинения невозможно. Если бы он хоть раз над этим задумался, то избежал бы многих проблем. Но – он упорно старается сломать меня и заставить делать так, как хочет он. Результат, увы, предсказуем и всегда одинаков.

Даже связанные руки не делают меня менее мной – в чем регулярно убеждается Денис. И началось вроде все хорошо, и все как надо – «да, Мастер... я виновата, Мастер... все, что скажете, Мастер...». И потом – «и что ты, придурок, даже ремень нормально затянуть не можешь?!». Ну, кто станет это терпеть, а?

Но это во мне говорит инстинкт самосохранения – я помню, как недавно совсем сорвалась с такого вот узла и вывихнула плечо. Очень раздражает, что приходится самой беспо-

коиться о собственной безопасности, мне бы хотелось, чтобы Денис уделял этому больше внимания, а не «ай, да ладно, пронесет». В прошлый раз не пронесло – пришлось три недели ходить в повязке. Основной принцип Темы – БРД, безопасность, разумность, добровольность, а Дэн зачастую им пренебрегает. И заставляет меня сомневаться. При этом всякий раз обижается, видя недоверие. Но и мало что делает, чтобы исправить положение.

– Я вчера решил разнообразить семейную сексуальную жизнь...

Так, вот это лишнее – я ненавижу, когда Дэн начинает жаловаться мне на свою сожительницу. Меня это абсолютно не интересует, не волнует и никак вообще не трогает.

– Представляешь, она меня извращенцем назвала!

– А ты-то кто? – нахально интересуюсь я, сидя с ногами на кровати и затягиваясь сигаретой.

– Аккуратнее, девушка, не забывайтесь! Мастер может рассердиться...

– Ой, как страшно!

– Я же прошу – не зли меня, мне надо с тобой посоветоваться. Отодрать тебя я еще успею.

Урод... я не бюро советов! И не обязана выслушивать перипетии его семейной жизни. Но Мастера понесло... Я пытаюсь отключиться от этого, напеваю про себя какую-то песню, подхваченную в маршрутке, как грипп, стараюсь не смотреть

на мечущегося по комнате Дэна. Мне на самом деле абсолютно безразлично, что там у него и как.

– Ну, ведь ты же у меня умная – скажи, что мне делать? У меня все под откос идет – я уже даже не знаю, как мне с ней в постель ложиться! Мне постоянно хочется ее привязать и отстегать чем-нибудь!

– Ну, так не сдерживайся, – я пожимаю плечами, хотя прекрасно знаю реакцию на свой совет.

Так и есть – Дэн останавливается напротив и с размаху отвешивает пощечину:

– Я, сука, серьезно спрашиваю, а ты?!

– Не смей бить меня, когда ПРОСТО разговариваешь! – я вытягиваю ногу и пинаю его в бедро. – Ты или разговоры разговаривай, или уже тогда давай делом займемся – у меня время не резиновое! И некогда мне тут твои жалобы выслушивать! Не хочет она с тобой такими вещами заниматься – значит, не доверяет, вот и все!

– Да при чем тут... как она мне может не доверять, она ж со мной живет!

– И что?

– Ничего! Ты вот мне доверяешь, значит?

– Я – это я. И не путай божий дар с яичницей!

Он фыркает:

– Божий дар – это ты, что ли?

– А у тебя возникает сомнение?

– Никакого. Именно поэтому ты и сидишь сейчас в такой

позе и даже покурить можешь только двумя руками – потому что наручники тебе мешают, – поддевает он довольно. – И вообще – ты что-то разговорила, дорогая моя. Знаешь, что меня больше всего в тебе возбуждает? – он ложится на кровать и кладет голову мне на колени. – То, что ты постоянно сопротивляешься. Если бы ты просто молчала и терпела, не взбрыкивая, уже давно ничего не было бы. Мне неинтересно, когда я говорю – и ты делаешь, мне интересно тебя ломать.

– Именно поэтому ты так любишь преодолевать мое сопротивление, да?

– Ты знаешь, а ведь это правда. Если бы ты хоть раз легла как бревно и молчала бы, я ни за что не повторил бы это больше. Заметь – мы делаем только то, что приводит тебя в ярость, да?

Ну, тут он загнул, конечно. Кое-что из того, что он хотел бы сделать, ему не удастся – есть вещи, которых я не понимаю. Но в основном – да. Моя душевная организация вообще не терпит какого-то насилия над собой, все, что угодно – только не это. Зато физическая боль заводит, хотя и тут я, бывает, сопротивляюсь, выражая недовольство. И сам факт, что есть кто-то, кто может убедить меня в обратном, заставляет получать от этого удовольствие.

– Иди-ка сюда, – он ловит прядь моих волос и тянет так, что моя голова оказывается притянутой к его лицу. – Поцелуй меня.

Я не люблю целоваться. И никогда не любила, уж не знаю,

почему так. И потом – у меня ярко-красная помада, которая моментально оказывается размазанной по всему лицу – и по моему, и по его.

– Ну, что у тебя лицо такое злое? Ну-ка, смени выражение... Смени, я сказал! – но у меня никак не получается, я не могу ничего сделать с этим... Пара ударов по щекам тоже экспозиции не меняют, и Дэн прибегает к любимому способу. Несколько сильных ударов плетью вышибают-таки из меня скупую сабовскую слезу. – Во-от! Ну, зашибись – даже слезы! – он вскакивает с кровати и отходит к стене. – Охренительно... ну-ка, положи плетку, чтобы видно было... блин, Маш, ну, что ты такая тупая сегодня? На колени себе положи!

– Может, мне ее воткнуть куда-нибудь? – огрызаюсь я, потому что на самом деле очень больно.

– Это лишнее, – отказывается он, хотя, кажется, удивился. Он ложится, опять пристроив голову мне на колени.

Дотягивается губами до живота, и я вздрагиваю – если забудется, то оставит синяк, а мне это совершенно не нравится. Нет, сегодня вроде все в порядке. Отстегивает цепочку от спинки кровати и тянет меня к себе:

– Ложись.

Сейчас так и будет дергать меня каждую минуту за эту цепь туда-обратно – то сюда его поцелуй, то туда... чувствую себя москвой на привязи...

– Скажи-ка мне – ты никогда не думала о том, чтобы уйти

от меня?

– Зачем?

– Ну, не знаю... нового Верха найдешь.

– Ты спятил? Где я его найду – раз, а во-вторых, сам подумай – я с тобой столько лет, все про тебя знаю – и ты все знаешь, никогда не переходишь границу, у нас все уже давно четко и практически без эксцессов. А с новым что? И кто будет терпеть мазу с моими заморочками?

– То есть – все дело в том, что ты боишься менять Верх-него? – уточняет он зачем-то, и я киваю. – Ну, ты и сука, Машка. А я думал, что ты меня любишь.

Он встает и выходит из комнаты, а я остаюсь лежать на кровати в наручниках и ошейнике. Ужасно... опять про любовь разговаривает... Не пойму, зачем ему это. Сожительница его пусть любит, а от меня не надо требовать.

– Да... что... такое... твою... мать! – с каждым словом удары все сильнее и чувствительнее, у меня уже спина огнем горит, самое время остановиться, пока кожа не полетела лохмотьями. – Ну, скажи!

– Нет...

– Сука! – Дэн отшвыривает плеть и обходит меня, чтобы видеть лицо. Я не плачу – даже не знаю, почему. – Зачем ты злишь меня?! Что я делаю не так, чтобы заслужить такое отношение, а?!

Мне жутко неудобно стоять в такой позе – на коленях, а

руки, скованные за спиной, притянуты к крюку в стене длинной веревкой. На мне остались только босоножки, на каблуки которых я сейчас опускаюсь, хотя более удобно не становится. Я смотрю в потемневшие от злости глаза Дэна и виновато опускаю голову. Я не могу... ну, не умею я!

Он расстегивает джинсы, наматывает на кулак собранные в хвост волосы и притягивает мою голову. Я просто физически чувствую, как он зол...

– Стой спокойно, я сам! – прекрасно знает, я не люблю, когда «он сам». – Я тебе сказал – не шевелись! Да... вот хорошо...

Меня переполняет злость и досада – он опять меня изнасиловал, и не столько физически, сколько морально, а этого я терпеть не могу. Но Дэн никогда не упускает возможности ударить меня исподтишка по самолюбию – его это успокаивает, возвращает на его голову упавшую корону великого Доминанта. Очень уж серьезно он относится ко всей этой мишуре. Конечно, я ему не во всем подхожу, это очевидно. Я не умею смотреть в рот, не умею покорно опускать глаза и трепетать от каждого прикосновения. Я все время сопротивляюсь, соревнуюсь и доказываю собственную точку зрения. Дэн терпит, но иногда, если чаша переполнилась, может сорваться и здорово отомстить за подобное поведение. Чаше – в тот момент, когда я меньше всего готова отражать атаку. И это всегда больно. И мы квиты.

Мне никогда не хотелось разнообразия. В том смысле, что мне не нужны были третьи люди в отношениях, хотя это довольно часто практикуется – две нижних у одного Верха, например. Но Денис, заикнувшись об этом однажды, потом здорово жалел о вырвавшихся словах. Я не стала закатывать сцен, вообще ничего не сказала – собрала свои вещи и ушла. Ушла и пропала на два месяца, которые провела у подруги Анжелки, давно живущей за пределами России. Разумеется, поставить об этом в известность Дэна я изящно забыла. Не знаю, что ему пришлось пережить за это время, да, наверное, мне и не надо этого знать, потому что его корона опять рухнет на пол, но, когда я вернулась, мой Верхний разве что хвостом не вилял от счастья. Он был так предупредителен, так внимателен, так безупречен, что мне стало понятно – без меня ему совершенно невозможно. Он несомненно сможет найти себе новую мазу, потому что привык ко мне.

И это взаимное прорастание испугало меня куда сильнее, чем предложение привести кого-то третьего. Нельзя, невозможно так прилипнуть друг к другу, так зависеть от кого-то. И, испугавшись даже не за себя – за него, я вдруг выпалила то, о чем молчала вот уже долгое время. Я рассказала ему о диагнозе.

Шок, испытанный Денисом, не шел ни в какое сравнение с тем, что он испытал, когда обнаружил мое исчезновение. Я на секунду пожалела о том, что сделала, но быстро убедила себя, что делаю это для его же блага – так он сможет посте-

пенно подготовить себя к тому, что рано или поздно меня с ним не будет. И ничто не способно изменить это.

Он обхватил меня руками так, словно хотел уберечь от всего, укрыть своим большим накачанным телом от неизбежного:

– Машка... почему ты молчала?

– Что бы это изменило?

– Все! Это изменит все!

– Вот этого я и боюсь! – отрезала я, стараясь вырваться из его объятий. – Я не хочу, чтобы меня жалели, понятно? Не хочу, чтобы конкретно ты жалел меня, это противно! Я буду жить так, словно со мной ничего не произошло, я буду делать все, что делала до этого, понятно? И если ты не в состоянии принять мои условия – уходи. Но уходи сейчас, сразу и окончательно.

Денис крепко встряхнул меня за плечи и тихо проговорил, глядя в глаза:

– Все будет так, как ты хочешь. Я никуда не уйду. Да, мне будет сложно смириться, но я попробую – ради тебя. Только ты больше ничего от меня не скрывай, хорошо? Я должен знать. Пообещай мне.

Я не могла ничего пообещать – потом будет сложно нарушать данное слово, а в том, что это придется делать, я почему-то не сомневалась. Неопределенно кивнув, что можно было расценить как согласие, я все-таки освободилась от рук Дениса, закурила и, наткнувшись на его возмущенный

взгляд, предупреждающе произнесла:

– Даже не начинай! Ничего не изменилось. Ты обещал.

И он со вздохом склонил голову.

Надо отдать Дэну должное – он не нарушил данного мне обещания и не изменил ничего в наших отношениях и практиках. Я не знаю, чего ему стоило наносить удары по телу, которое – и он понимал это – теперь поражено неизлечимой болезнью, но держался он молодцом. И за это я была ему бесконечно благодарна.

Рано или поздно случается нечто, чего ты не в силах ни предсказать, ни изменить. Оно просто случается – и все, ничего с этим не поделаешь. Так в нашей жизни возник Олег.

Однажды летом, где-то в середине довольно дождливого августа, Денис вдруг сказал, что хочет познакомить меня кое с кем. Ничего необычного я в этом предложении не усмотрела, а потому согласилась.

Встреча состоялась в одном из ночных клубов – тех, что иногда устраивают вечеринки для определенных групп населения, назовем это так. Я не любительница подобных увеселений, так как считаю, что то, чем люди предпочитают заниматься в постели, лучше там и оставлять, а не демонстрировать на потеху публике. Но моего мнения, разумеется, никто не спросил – просто поставили перед фактом – мы идем туда-то, и все.

Развлекательная программа на сцене меня не привлекла –

ну, неинтересно мне, как другие Верхние порют своих нижних. Вообще не понимаю, для чего это все – семинары, мастер-классы, прочая дребедень. Люди отдают деньги за то, чтобы их научили «правильно получать удовольствие». Мне кажется, попади я на подобное мероприятие, и хохотала бы там в голос с первой секунды до последней, мешая остальным овладевать сакральными знаниями. Но это не мое дело, конечно, каждый сходит с ума по индивидуальной программе.

Отвлечшись на довольно скучное зрелище на сцене, больше похожее на постановку, чем на Тематический экшн, я пропустила момент появления Олега за нашим столом, а когда повернулась, то вздрогнула всем телом. Напротив меня сидел огромный мужик со шрамом на левой стороне лица. Вид у него был настолько странный, что даже здесь, среди довольно пестрой толпы Верхних, Доминантов и Топов, одетых в кожу, а также нижних-маз-сабов, наряженных в латекс, он смотрелся довольно экстравагантно.

Ну, кожаные брюки и байкерские ботинки вкупе с аляповато расписанной футболкой я еще кое-как пережила, но главным было не это... Голова незнакомца была обрита наголо, если не брать во внимание небольшой участок на макушке. Оттуда, с поверхности не более трех сантиметров в диаметре, на спину сбегала тонкая длинная коса, доходившая, кажется, до окончания лопаток. Видимо, рот мой непроизвольно открылся, а глаза выразили крайнюю степень удивле-

ния, потому что Дэн засуетился и довольно ощутимо пнул меня ногой под столом:

– Знакомься, Олег. Это Маша.

Он кивнул, окинув меня оценивающим взглядом, и мне вдруг показалось, что он видит все, что скрыто под одеждой. Я поежилась, будто и впрямь сидела за столом голая.

– Олег, – медленно, густым низким голосом произнес он и протянул мне руку, в которой моя ладонь потерялась. – Много слышал.

Я не знала, что ответить. И вообще потеряла дар речи, даже не знаю, почему – никогда прежде за словом в карман не лезла.

– Что пить будем? – спросил Дэн. – Тебе как обычно?

«Как обычно» я пила коньяк, но сегодня почему-то чувствовала, что мне либо вообще не стоит прикасаться к спиртному – либо наоборот, напиться в драбадан и отключиться. Меня сковал такой страх, словно этот вечер должен был стать последним в моей жизни. Наверное, уже в тот момент я начала подозревать, зачем Дэн нас познакомил и что хочет сделать.

Пить я все-таки не стала, как не стал и Олег, удивив этим Дениса. Тот обиделся и заказал себе водки, сообщив, что домой будем возвращаться на такси. Меня это вполне устраивало – смогу потихоньку вызвать себе отдельную машину.

Весь вечер Олег разглядывал меня чуть не в открытую, даже не смущаясь присутствием Дениса. Я невпопад отвечала

на вопросы, которые мне изредка задавал Олег, отрываясь от обсуждения с Дэном происходящего на сцене. По некоторым фразам я пришла к неутешительному выводу, что он – Верхний, причем садист без всяких заморочек. Тупо лупит кнутом. Это меня не особенно испугало. Где-то внутри я давно мечтала о том, чтобы Денис прекратил свои эксперименты в области доминирования и переключился только на флагелляцию, благо арсенал девайсов позволял не повторяться довольно продолжительное время, а моя выносливость давала простор воображению. Мне тяжело давались все эти подчиняющие практики, не с моим характером соглашаться на такое, но Денис настаивал, и я иной раз ломала себя, подчинялась. Но в душе хотела не этого.

Денис напился довольно быстро, он вообще слаб на алкоголь, хоть и врач. Олег критически осмотрел хладное тело, обмякшее на столе лицом в скрещенные руки, и спросил:

– Что будем делать?

– Что будете делать вы, не знаю, а я вызову такси и попрошу охранников дотащить его до машины. Довезу домой, по дороге он немного проспит.

– Смотрю, это накатанная практика? – хмыкнул Олег.

– Нет. Он редко пьет и плохо переносит алкоголь.

Мне почему-то стало противно – сейчас я выглядела ничем не лучше тех девочек, чьи Верхние напиваются на таких вечеринках «в дрова», а нижние потом вынуждены буквально на себе транспортировать господина домой. Унизитель-

ная практика, надо признать.

– Значит, сделаем так, – медленно проговорил Олег, глядя мне в глаза, от чего я поежилась. – Ты вызываешь такси, я беру Дэна, мы отвозим домой сперва тебя, а потом уж едем к нему. Понятно?

Этот вариант меня устраивал как нельзя лучше. Я кивнула и полезла за телефоном.

Когда подошла машина, Олег легко взвалил Дэна на плечо и понес к выходу, сопровождаемый удивленными взглядами тех, кто еще мог сфокусировать их на каком-то объекте. Я двинулась следом.

В такси Олег сел рядом с Дэном, кивнув мне на переднее сиденье. Я тихонько назвала водителю свой адрес, и мы поехали.

– Я увижу тебя завтра? – вдруг спросил Олег.

– Это не мне решать.

– Брось. Я отлично вижу, что ты никакая не саба, и сама можешь решить за себя.

Подобная проницательность мне не очень понравилась. Значит, я чем-то дала повод подумать обо мне так, а это плохо – я не должна унижать Дэна в глазах его друга, к тому же – тоже Верхнего.

– Я сказала – это решать не мне.

– Я понял, – насмешливо протянул Олег. – Тогда я спрошу об этом Дэна, когда он очухается. Но мне бы хотелось увидеть тебя снова. Я приехал ненадолго.

– Если Дэн решит, мы увидимся, – произнесла я, с досадой отмечая, что меня словно заиклило на этом – «как Дэн решит, как Дэн скажет».

Во дворе моего дома такси остановилось, и я вышла, наскоро попрощавшись, но почему-то не пошла к своему подъезду, а зашла в павильон за сигаретами. Потом долго сидела на лавке под кустами сирени и курила, зачем-то воскрешая в памяти лицо Олега. Я заметила, что он комплексует по поводу шрама, старается оказаться правой стороной к собеседнику. Это меня позабавило – Верхний с комплексами – это весело.

Наша следующая встреча с Олегом произошла в еще менее романтической обстановке. Решивший показаться круче, чем он есть, Денис заявил, что на днях у нас будет парный экшн с двумя Верхними, и я сразу поняла, что и кого он имеет в виду. Я закатила такую истерику, что мне могла бы позавидовать любая склонная к подобным проявлениям дама. Обрушив на голову Верхнего ушат оскорблений и проклятий, я выбежала из его квартиры и, поймав такси, унеслась куда глаза глядят, очнувшись на скамье в Центральном парке. Я даже не помнила, как попала сюда – просто обнаружила себя сидящей в одной из многочисленных аллей с мороженым в руках. Повал в памяти изрядно испугал меня, да и мороженого я практически не ем. Значит, стресс оказался сильнее, чем я думала...

Телефон в кармане надрывался от звонков, но я, даже не взглянув на дисплей, выключила звук. Разговаривать с Дэном мне совершенно не хотелось – о чем говорить с человеком, который готов поделиться тобой с другом? Да, в Те-ме это довольно распространенная практика, но не со мной. Пусть ищет себе дуру, которая станет заглядывать ему в рот и беспрекословно выполнять все его прихоти. Но это больше не буду я.

Я скрывалась три дня, не снимала трубку и не подходила к двери, в которую настойчиво трезвонили. Я знала, кто меня разыскивает. Родители уехали на Байкал, так что других мнений быть не могло – разъяренный моим неповиновением Дэн обрывает телефон и штурмует дверь квартиры. Не поддамся.

Но вечером третьего дня мне вдруг позвонили с неизвестного номера, и я, решив, что это может быть что-то по работе, ответила на вызов.

– Мария, не бросай трубку, это Олег, – раздалось из нее, и я вздрогнула, едва не уронив телефон в ванну, возле которой стояла, раздумывая, не понежиться ли в горячей воде с пеной.

– Что тебе нужно? – враждебно спросила я.

– Мы волновались. С тобой все в порядке?

– Тебе-то что?

– Если спрашиваю, значит, мне есть дело. Ты можешь

встретиться со мной? Только со мной, без Дениса?

– Зачем?

– Я хочу поговорить и объяснить кое-что.

– Мне не нужно ничего объяснять.

– Ты ошибаешься. Так что? Когда и где увидимся?

– Если ты приведешь Дениса, я разговаривать не буду, – здраво рассудив, что насиловать меня на улице никто не собирается, сказала я.

– Я же сказал – только ты и я. Называй место.

– Хорошо. Неподалеку от моего дома есть сквер, – я назвала улицу, которая находилась аккуратно за зданием районной управы и отделения полиции, но сквер там действительно был, причем многолюдный в вечернее время.

– Договорились, – спокойно отозвался Олег. – Буду ждать тебя у входа в семь.

Он положил трубку, а я села на край ванны и задумалась. О чем он хочет говорить со мной? Что собирается объяснять? Как круто быть с двумя мужчинами одновременно? Это меня не интересует. Как переживает мое отсутствие Дэн? Это интересует меня еще меньше – после всего. Ладно, посижу, послушаю. В конце концов, он не похож на невменяемого, в кусты не потащит – возраст не тот.

Олег ждал меня, как и обещал, у входа в сквер. Оказывается, он и в жизни одевался именно так, как в вечер нашего знакомства в клубе, это меня позабавило.

Вечер выдался без дождя и даже солнечный, что, разумеется, привлекло в сквер множество народа с колясками, велосипедами, скейтами и прочими развлекательными вещами. Работало небольшое кафе, где не продавали ничего крепче пива. Олег приветственно кивнул, когда я приблизилась, и предложил:

– Пройдемся, поищем свободную лавку?

– Вряд ли мы ее найдем.

– Ничего, тогда просто погуляем.

Некоторое время мы шли молча, и я ловила изумленные взгляды, которыми одаривали нас гуляющие.

– Да, байкер без мотоцикла производит на людей странное впечатление, – заметил Олег, которого эти взгляды, похоже, здорово нервировали, и я поняла – будь на нем байкерский шлем, и он чувствовал бы себя защищенным.

– А ты байкер?

– В некотором роде. Я не из упертых, просто катаюсь иногда с ребятами. Но мы должны поговорить не обо мне.

– Ну, почему? Я бы поговорила о тебе, – вырвалось у меня непроизвольно, и Олег удивленно приподнял правую бровь:

– Да? Польщен. Но, может быть, позже. А сейчас – о тебе и о том, что ты устроила Дэну.

– Может, лучше о том, что устроил он мне?

– Так, давай договоримся – я говорю, ты слушаешь, а вопросы задашь потом, если я решу, что они необходимы, – жестко отрезал он, крепко сжав мою руку чуть выше локтя.

Я вдруг утратила всякую охоту спорить и ерепениться, даже не знаю, почему.

– Хорошо.

– Вот этот ответ мне нравится. Давай поговорим честно, Мария. Видишь, я знаю, что ты не особенно любишь, когда чужие люди зовут тебя Машей. И пока я тебе чужой, ты будешь Марией, а дальше посмотрим.

Эта оговорка «пока я тебе чужой» мне не особенно понравилась – похоже, он всерьез собирается стать мне «родным». Но я видела его руки, его плечи и понимала – нет, даже моя феноменальная выносливость не позволит мне ничего иметь с ним. Ничего, никакой Темы.

– Так вот, – продолжал Олег, исподтишка наблюдая за моим лицом. – Я позвал тебя сюда, чтобы обсудить то, что не удосужился обсудить Денис. Я отлично понимаю, что ты испытала, услышав его предложение. Поверь, в мои планы не входило пугать тебя или делать что-то без твоего согласия, это неправильно. Более того – я хочу показать, как далеко ты сможешь зайти, потому что, похоже, ты сама этого не понимаешь, но внутренне уже готова. Я увидел это в тебе еще там, в клубе.

Я опустила глаза и прикусила нижнюю губу. А ведь он прав... он чертовски прав, я почувствовала в нем то, чего мне так не хватало в Денисе – власть. Он еще не сделал ничего и ничего не сказал, но я понимала – все будет так, как он захочет. И я подчинюсь без колебаний, потому что рядом

с ним со мной ничего плохого не случится. Я боялась его – и в то же время легко подчинилась бы любым его словам, потому что была уверена в нем и могла ему довериться, хотя плохо понимала, с чего вдруг так происходит.

– Что ты молчишь? Не согласна?

– С чем?

– Мария, не строй из себя дурочку. Ты умная женщина, и ты прекрасно понимаешь, что я прав. Ты хочешь узнать больше, чем тебе может дать Денис. И я могу помочь. Если тебя мучает моральная сторона вопроса, так успокойся – я не прикоснусь к тебе ничем, кроме девайсов. В плане секса ты мне неинтересна.

У меня вспыхнули щеки, стало даже как-то обидно – почему это? Но, с другой стороны, это меня абсолютно устраивало.

– Так мы договорились?

– О чем?

– Ты что – не слушала меня? Я спросил – ты согласна с тем, что я тебе сказал? Никакого секса со мной, только экшн? И Денис будет рядом, чтобы ты совсем уж успокоилась.

– Тебе-то это зачем?

– Я садист, деточка, – спокойно произнес он. – Мне интересно, что ты за зверюшка такая, раз Денис взахлеб о тебе рассказывает.

– Любишь, значит, зверюшек препарировать?

– В молодости я этим деньги зарабатывал, – и больше ничего к этому не добавил, а я не стала уточнять. – Ну, так как? Мы с тобой договорились? Ты в любой момент можешь прервать все, просто произнеси стоп-слово, ты ведь понимаешь.

– Проблема в том, что я никогда его не произношу.

– Да, согласен, это проблема. Но поверь – со мной ты поймешь, что ошибалась.

Что-то в его тоне подсказало мне, что он говорит правду, и злосчастное стоп-слово я произнесу не раз и даже не два... Но любопытство, жажда новых ощущений и желание утереть нос этому самодовольному байкеру взяло верх над разумом.

– Да, я согласна, – решительно заявила я. – Но помни – ты кое-что обещал.

– Я всегда выполняю то, что я обещал. Главное, чтобы и ты была столь же пунктуальна, – насмешливо протянул Олег. – Встретимся завтра в восемь. Тебя же, как я понимаю, не ждут домой к ужину?

– Нет.

– Вот и прекрасно. Идем, провожу тебя.

Назавтра я встала с кровати с таким чувством, словно родилась заново. Дэн хотел посмотреть, что будет? Отлично, я ему дам такую возможность. Но пусть потом не жалуется. Своим поступком он освободил меня от любых угрызений совести – я получу удовольствие и без него, пусть даже и у него на глазах. Тем хуже будет ему, я-то знаю. Он считает

себя великим Мастером и действительно многое умеет, но всегда найдется кто-то, кто круче, и сейчас, я чувствую, как раз такой момент. Олег явно сильнее в Теме, увереннее, и Дэн совершил ошибку. Раньше мне не с чем было сравнивать, а теперь он сам дал мне в руки такой козырь. Ну, что ж – зато некого обвинять.

Никогда я не собиралась к Денису с такой маниакальной тщательностью, продумывая каждый штрих в макияже, чтобы не дай бог ни одна линия не потекла и не размазалась в ходе экшена. Да, я не плачу – никогда не плачу, умею загнать слезы боли внутрь, но сегодня неизвестно, как пойдет, поэтому нужно сделать все, чтобы не выглядеть шалавой с размазавшимся гримом. Не знаю, почему мне было так важно произвести впечатление на Олега...

Денис приехал за мной сам, сидел в машине хмурый, нервно грыз костяшку указательного пальца. Едва я села в машину, как он размахнулся и врезал мне пощечину:

– Это тебе за то, что исчезла, – последовал удар по второй щеке. – А это – за то, что с Олегом без меня все решила.

Я зажала горящее лицо ладонями:

– Сдурел совсем? Это была твоя идея, вот себя теперь и хлещи по лицу, понял?

– Что он сказал тебе? – зашипел Дэн, хватая меня за запястья. – Что такого он тебе сказал, что ты согласилась?

– То, чего не удосужился сказать ты! Верхний так называется не потому, что он вдруг так решил, а потому, что берет

на себя всю ответственность – в том числе и информационную! Если бы ты потрудился мне объяснить, то все было бы иначе. Но куда тебе – это ниже твоего достоинства, разговоры со мной разговаривать! Ты у нас не теоретик, ты – практик! Не тратишь время на болтовню, да? И тебе совершенно наплевать на мои эмоции и на мои чувства.

– Не ори! – он сильно встряхнул меня, пытаюсь успокоить. – Что толку в этих разговорах?

– Тогда что мы тут обсуждаем? Ты ведь сам спросил, о чем со мной говорил Олег. Так вот – он со мной *говорил*, улавливаешь? Он во мне не кусок мяса видит, не тушку для порки.

– Ага! – с сарказмом протянул Дэн, по-прежнему не выпуская моих рук. – Прямо человека он в тебе разглядел, равного ему по уму! Не будь наивной. Для него бабы – мусор или мясо, с первыми он дел не имеет, вторых тупо порет и трахает. Олег ничего не делает и не говорит без умысла, и сейчас я не могу понять, что именно он задумал.

– Ты всех судишь по себе. А есть люди без второго дна, даже если тебе это по какой-то причине непонятно.

– Ой, все! Надоело разглагольствовать, поехали.

От оттолкнул меня к дверке и завел двигатель. Ощущение от беседы осталось не самое приятное. Он действительно не считал меня равной себе, и это происходило не в Теме, а в жизни. Он считал меня не ровней себе... Даже не знаю, смеяться или плакать.

Первое, что я увидела, войдя в квартиру, был еще более необычный наряд Олега. Не знаю, как мне удалось не расхохотаться, но хотелось ужасно. Сцена из третьесортного порно – кожаные шорты, перчатки и плотная маска, закрывающая лицо. Я давила в себе смех, понимая, что, не выдержав, могу подвергнуть свою жизнь вполне реальной опасности – неизвестно, как поведет себя Олег.

– Смешно? – спросил он совершенно спокойно. – Можешь посмеяться.

– Нет... – с запинкой выговорила я. – Не то чтобы...

– Ну, я так и понял. Садись, обсудим кое-что, – он по-хозяйски расселся на диване и похлопал рукой рядом с собой.

Я вопросительно посмотрела на Дэна, но тот картинно закатил глаза:

– Да можете на меня вообще внимания не обращать! Кто я тут? Хозяин квартиры? Тоже – шишка.

– Прекрати, – недовольно произнес Олег, и я, хоть и не видела его лица под маской, почему-то поняла, что он скривился. – От тебя секретов нет. Я хочу донести до нее общепринятые вещи, чтобы не было сюрпризов. Я терпеть не могу прерываться на обмороки и прочую дребедень. Если чувствуешь, что не можешь – говоришь «красный» – и отдыхаешь. Это, надеюсь, понятно?

Я неопределенно кивнула. Никогда в жизни, никогда за все время, что мы с Дэном в Теме, я не произносила этого

слова. Меня захлестывал азарт – сколько я смогу вытерпеть, до какого предела дойти, сумею ли оказаться сильнее Дениса. И всегда оказывалась, даже если при этом падала в обморок от нестерпимой боли. Но, чувствую, сегодня мне это не удастся...

– Дальше. Есть какие-то предпочтения по девайсам?

Тут я пожала плечами. Никаких предпочтений у меня не было, любой инструмент для порки годился, от ремня до тяжелой «кошки» на девять или восемнадцать хвостов. Кстати, о девайсах. Многие ошибочно принимают то, что продается в секс-шопах, за реальные рабочие инструменты. Это не так. То, что выставлено там в витринах, годится для ванильных девочек, желающих попробовать «жесткий секс». Все эти меховые наручнички, плеточки с розовым пушком – это не девайсы, это атрибутика ко Дню святого Валентина.

Настоящий Верхний заказывает дивайсы под свою руку у проверенных мастеров, коих единицы. Каждая плеть, хлыст, кнут или стек подбираются индивидуально, стоят недешево и весят прилично. И результат их воздействия, разумеется, разительно отличается от поделок из секс-шопа. Хотя хороший опытный Верхний и обычным брючным ремнем может «сделать вещи»...

У меня, как я уже сказала, не было предпочтений, и тогда Олег, поднявшись с дивана, принес небольшой дорожный саквояж черного цвета, открыл его и жестом велел мне подойти. Характерные рукояти, открывшиеся моему взору

внутри саквояжа, сразу дали понять, что на инструменты Олег денег не жалеет. Все они были сделаны одним из наиболее известных в стране мастеров ударных девайсов.

– Выбирай, – предложил Олег, но я помотала головой:

– Я доверяю тебе.

– Так, а вот это мне уже нравится. Хорошо, позже выберу сам. Продолжаем разговор.

Мы вернулись на диван, и я вдруг заметила, что Денис, устроившийся в кресле в противоположном углу комнаты, буквально давится от смеха, наблюдая за нами. Это меня здорово разозлило – что смешного в том, что человек хочет сделать все так, как положено, чтобы не было вреда мне и ему? Чтобы экшн принес только удовольствие, а не проблемы?

Конечно, Денису не приходило в голову спросить меня о предпочтениях – зачем? Он же тут Верхний, он решает. Да, я принимала все, что он делал – но спросить-то можно было? Олег тем временем продолжил:

– Предупреждаю – если почувствуешь, что больше не можешь, и не дашь мне знать об этом, будешь наказана. Я сделаю то, что ты терпеть не сможешь. Но предварительно разрешаю тебе выбрать наказание.

Я опять пожала плечами. В рамках Темы, принятой у нас с Денисом, у меня не было никаких табу, кроме оставляемых на теле следов, поэтому и выбирать было не из чего.

– Я понял. Тогда поступим так. Если ты не дашь мне знать, что отключаешься, я выключу тебя сам. Это делается одним

ударом в болевую точку, поверь, ощущение тебе не понравится, так что советую до греха не доводить.

Ну, думаю, что это наказание мне вполне по силам, тем более что я не собиралась отключаться. Я должна помериться с ним силами и выиграть, потому что всегда выигрывала у Дениса. Олег тоже не будет исключением, я из кожи вон вылезу, но не дам ему почувствовать свое превосходство.

Обговорив еще пару мелких моментов, Олег хлопнул руками по коленям:

– Ну, вроде все. Ты переодеваешься во что-то?

Я кивнула.

– Тогда у меня есть предпочтения. Чулки в сетку, перчатки и шорты, если есть. Думаю, ты понимаешь, для чего это.

Это я понимала. Он не собирался нарушать данное мне слово об отсутствии секса, а потому не хотел видеть меня полностью обнаженной. Ну, что ж... достойно.

Я вышла в маленькую комнату, где в шкафу хранились мои многочисленные наряды, выбрала черные латексные шорты, красные перчатки до локтей и черные чулки, пару красных босоножек для стриптиза и, переодевшись, вышла в соседнюю комнату. Нормальные мазы, кстати, никогда не идут в экшн на каблуках, тем более – на стрипах, потому что можно подвернуть или сломать ногу, но где нормальные и где я? Да и Денису всегда нравилось такое сочетание...

Олег окинул меня взглядом, подошел ближе и дотронулся до груди. Кожа его перчаток оказалась неприятно холодной

и шершавой, я вздрогнула.

– Не нравится? – внимательно наблюдая за выражением моего лица и не убирая руки, спросил он.

– Не знаю.

– Так, все. Дэн, фиксируем.

Меня вдруг охватил такой ужас, словно я поняла, что до смерти осталось минут пять. Никакие предшествующие разговоры больше не действовали – мне было просто страшно. Что я делаю, зачем? Я его совершенно не знаю, не могу предугадать, как он поведет себя. Зачем согласилась, дура?

Денис с какой-то неприятной ухмылкой подошел ко мне, взял за руки и завернул их за спину, надевая наручники. На секунду, всего на одно мгновение он прижал меня к себе, и я почувствовала, как сильно колотится его сердце под белой рубашкой с закатанными до локтей рукавами. И тут звонит мобильный Олега, лежащий на столе. Тот берет его, смотрит на дисплей и произносит:

– Мне нужно полчаса, звонок важный.

Он выходит из комнаты, я слышу, как щелкает дверная ручка в спальне. Мы с Денисом остаемся одни. Меня всю вдруг колотит, а Дэн только похохатывает:

– Ты так боишься, как будто девственности лишаешься!

– Отстань!

– Не груби, накажу.

У меня с языка рвется: «Накажи меня, вот накажи так, как захочешь, только не подпускай ко мне этого мутанта, потому

что я не вынесу», но я знаю, что это уже не поможет – Дэн никогда не сворачивает. И я обещала, обещала...

– Ты бы расслабилась хоть чуть-чуть, прямо смотреть на тебя не могу.

Я не могу расслабиться, потому что уже перенапряглась. Дэн целует меня в щеку, потом в губы и предлагает позаниматься любовью, пока время есть. Что-то мне не до любви, если честно... разве это поможет? Отрицательно мотаю головой. Атмосфера в комнате так накалилась и сгустилась, что, кажется, можно наощупь понять, как выглядит страх, одобренный сексуальным напряжением. Мне так страшно, что начинает дрожать челюсть. Наверное, если бы не внезапный телефонный звонок, мне было бы легче – все началось бы и пошло, как пошло. А так... Ожидание казни всегда страшнее самой казни. Пытаюсь выговориться:

– Денис... ты ведь знаешь, что я хочу быть только с тобой? Ты знаешь, что мне никого не нужно больше, потому что у меня есть ты? Скажи, что я должна сделать, чтобы тебе было хорошо? Мне ведь ничего не надо, кроме этого...

– Зря стараешься, – вдруг говорит он совершенно спокойно и ясно. – Если решила убить меня базаром, то бесполезно. Зачем отыгрывать назад, когда все уже завертелось? Чего ты боишься, скажи? Я ведь не оставлю тебя с ним наедине, я рядом буду. Не захочешь, так и секса никакого не будет.

Господи, как мне объяснить ему, что, во-первых, Олег сам сказал – не будет, а, во-вторых, что я не секса боюсь?! Я ма-

за, но не настолько! Я боюсь «тематических» отношений с незнакомым человеком, к тому же с явными садистскими наклонностями – ну а как иначе? Ведь говорил же он что-то про препарирование зверюшек... Я доверяю ему и в то же время боюсь так, что сводит скулы, а понять причину этого страха никак не могу. И неважно, будет Дэн со мной или нет.

– Скажи, ты для чего это делаешь?

– Для тебя, – отрезает Денис. – Для того, чтобы ты поняла – нельзя постоянно самой все контролировать. Ты меня давишь, а должно быть наоборот. Ты нарушаешь все, что только в состоянии нарушить.

– Я не буду больше...

– Будешь, Маш, – говорит он почти ласково и треплет меня по волосам. – Будешь – потому что ты такая в принципе.

Олег возвращается в тот момент, когда я уже изнемогла от ожидания и ужаса.

– Не мог не ответить, это партнер мой из Китая, контракт горит, не проигнорируешь, – произносит он, оправдываясь, и внимательно смотрит мне в глаза: – Что, чем дольше ждешь, тем сильнее ужас?

Я мотаю головой, чувствуя, что от одного только его взгляда вся покрылась мурашками.

– Перестегни ей руки вперед, вверх зафиксируем, – говорит он Дэну.

Денис без разговоров перестегивает наручники, поднима-

ет меня, фиксирует руки за наручники к веревке, переброшенной через блок в потолке, подтягивает так, что я едва касаюсь босоножками пола.

– И запомни – не вздумай не отвечать на мои вопросы. Попробуем... – Олег тянет меня за талию к себе, зажимает между пальцами сосок: – Какой цвет?

– Зеленый, – равнодушно говорю я, потому что мне реально не больно.

– А сейчас? – он сжимает так сильно, что на соске появляется кровь. Больно. Но не смертельно.

– Зеленый.

Олег убирает руку:

– А не красный?

– Нет, зеленый.

– В общем, я предупредил – если что, накажу. Дэн, ты участвуешь или смотришь?

На Дэна уже просто больно смотреть. Но он отыгрывает до победного:

– Участвую.

Зашибись, ребята, а мы так не договаривались! Но мяукнуть уже не успеваю – Олег чуть ослабляет веревку, так, чтобы я могла опереться на всю стопу, внимательно оглядывает наручники, которые въезжают в кожу запястий даже через перчатки. Краем глаза я вижу Дэна, он встряхивает плеть и смотрит на Олега.

– Я первый или ты?

– Смотри сам, – ухмыляется Олег. – Давай ты, только всю силу не начинай...

Я про себя считаю удары – идиотская привычка, просто кошмар какой-то... пять... семь... девять... десять... все...

– Цвет? – рывкает над ухом Олег, я поднимаю голову:

– Зеленый...

– Продолжаем разговор.

Пять... шесть... больно... семь... господи, больно... десять... все...

– Цвет? Цвет, ну?

– Зе-зеленый...

– Еще раз спрашиваю.

– Зеленый... можно мне кляп...

Он смотрит на меня удивленно, глаза в прорези маски поблескивают.

– Дэн, кляп. Теперь на пальцах общаться будем. Один, два, три – поняла?

У Дэна ледяные руки, он касается моей щеки, ищет слезы. Я еще не плачу...

– Не трогай ее, просто кляп вставь – и отойди, – орет Олег.

Все, кричать не смогу, мычать противно... поехали по новой... пять... семь... справа больнее, там, где Олег работает... десять... Три пальца – зеленый... да не пялься ты на меня, три, три!!!

– Что – посильнее? Кивни, если согласна.

Киваю. Он обходит меня, показывает арапник – черт, от

него останутся следы... Перевожу взгляд на его шорты – мать моя, да он готов уже... Однако...

– Отдохнула? Поехали.

Арапников в доме два... на сей раз не по десять ударов – по шесть, больше просто не вынести... сбиваюсь со счета... тихо – значит, все... Три пальца.

Снова... сбиваюсь, все путается в голове, зубы впиваются в кляп так, что я чувствую его вкус. Три пальца... Олег засовывает руку между моих ног – там скользко и горячо. Он доволен, кажется...

– Дальше?

Я чувствую, что если раньше он работал «с кисти», а потом «с локтя», то вот сейчас уже «с плеча», потому что очень больно... сейчас просто умру... с той стороны, где стоит Дэн, не так больно, но справа... как бы их попросить поменяться местами? Внезапно сознание уплывает, ничего не чувствую... Сколько это продолжается – не знаю, открываю глаза – кляпа нет, лежу на полу на животе, рядом валяется арапник и пустая бутылка из-под минералки. Руки свободны... дотягиваюсь до головы – она мокрая, как из-под душа. С трудом поворачиваюсь – Олег сидит в кресле, внимательно смотрит на меня. Денис курит у окна, разворачивается на мое шевеление:

– Ты спятила?

– Тихо, погоди! – останавливает Олег. – Я веду. Почему не дала знать, что тебе плохо?

Да не было мне плохо, просто раз – и вырубил. Молчу.

– Ты слышишь меня? – киваю. – Так почему ослушалась?

Я должен наказать тебя. Встань и подойди сюда.

Встать не могу, к сожалению.

– Ну, ползи тогда, чего уж...

Подползаю, утыкаюсь лбом в его колени. Он за волосы поднимает голову:

– Ты нормальная вообще? Я для чего распинался почти тридцать минут? Чтобы потом вот это получить? У меня визжат, матерятся, плачут, умоляют – но в обморок не падают.

Ну, занеси меня в свою книжечку под номером один.

Расстегивает шорты... о, твою мать, мы так не договаривались... Поздно. Пытаюсь упереться руками в его бедра, но он хлопает меня по плечу ладонью. Ах да – «нижняя не делает минет, ее берут в голову...» Простите, забыла... Я ничего не чувствую, не вижу – кроме бледного лица Дениса, который сел в кресло рядом. Я смотрю на него и чувствую, как по щекам текут слезы. Он отворачивается. Видимо, фраза «ни-какого секса» исключала подобный интимный поцелуй.

Все... Олег доволен, дошел до конца почти – и остановился, оттолкнул меня.

– Ну, готова? Будем продолжать?

– Да.

– Ты уверена?

– Да.

– Дэн, свяжи ей веревкой руки, а то от браслетов вон за-

пястья красные, – он сдергивает перчатки через кольца на ручников, и на запястьях действительно уже следы.

Денис берет меня за руки, и я чувствую, как подрагивают его пальцы, когда он начинает обматывать запястья веревкой.

– Может, ляжешь? – спрашивает Олег, оглядывая стену с кольцами.

– Нет.

– Тогда так сделаем – Дэн, ты как-нибудь так встань, чтобы лицо ее видеть – начнет глаза подкатывать, сразу мне говори.

Дэн недоволен – подобная стойка его выключает из игры. Вдвоем они пристегивают меня к кольцам в стене. Зависаю над полом.

– Можно кляп?

– Э, нет! Хорош!

Черт...

Дэн берется за цепочку ошейника, чтобы я не могла упереться лбом в стену и опять промолчать.

Все сначала... считаю, отвечаю на вопросы... опять считаю... Олег разошелся, бьет в мах, прожигая до костей. У меня, кажется, течет по бедрам – настолько мне хорошо. Начинаю терять сознание и слышу:

– Олег, красный! Красный!

«Ну, на хрен ты влез, Денис, когда мне так хорошо...»

– Маш... Маша, очнись, все...

– Хватит, Дэн, она что-то сильно часто уплывает. Проблем не хочу.

Он отбрасывает «кошки» и, буквально на секунду прижав мое иссеченное тело к стене своей вспотевшей грудью, говорит Денису:

– У-у-уф! Все, вот твоя маза. Но ты не соврал. Она меня почти уделала.

Денис поворачивает карабин, и я оказываюсь лицом к нему. Прижимается щекой к груди, забрасывает мои ноги себе за спину. Двигается медленно... так медленно, что я начинаю стонать. Это продолжается еще долго – почти до утра. Никакого душа, ничего – спать. Сквозь сон я чувствую, как Денис притягивает меня к себе, обнимает и бормочет в ухо:

– Я тебя люблю... ты слышишь...

После парного экшена я избегаю и Дениса, и, разумеется, Олега. Не знаю, почему, но любое воспоминание о том, что делалось там, в квартире Дениса, заставляет меня краснеть и испытывать неимоверный стыд. По сути – ну, что такого произошло? Я спала только с Дэном, да и экшн был на его глазах и при его непосредственном участии. По меркам Те-мы все в порядке. Но мне все равно противно. Противно от самой себя.

Именно в таком настроении я поехала за очередным платьем, решив, что это поможет мне вернуть равновесие. Платье купила и уже двигалась к стоянке такси у торгового цен-

тра, когда меня вдруг подхватили под руку и решительно развернули в другую сторону. Подняв глаза, я обнаружила перед собой Олега в его неизменном кожаном прикиде.

– Ну, привет, красотуля. Гуляешь? Где пропала? – миролюбиво поинтересовался он.

– Дела есть.

– Дела? Ну-ну. Слушай, Мария... у меня к тебе предложение.

– Да? Какое?

– Поверь – ты об этом потом пожалеешь, но тебе наверняка понравится.

Он вдруг взял меня за обе руки и прижал их к своей груди, я даже растерялась:

– Ты что?

– Поедем со мной, – тихо попросил он, глядя мне прямо в глаза, и в его взгляде я не увидела того опасного огня, что успела заметить тогда, в экшне, в прорезях черной маски.

– Зачем?

– Я могу увезти тебя силой, ты ведь понимаешь? Но я хочу, чтобы ты сама... добровольно. Ведь я же видел – тебе было со мной хорошо. И, не будь Дениса, ты расслабилась бы совсем, и удовольствие было бы немного иным.

– Ты с ума сошел, – автоматически отозвалась я, понимая, что сейчас любые мои слова бесполезны – он настроился получить то, что хочет. Даже если придется увезти меня силой – затолкнет в машину, и все. Вон и джип его стоит непод-

леку, огромный обшарпанный внедорожник...

– Да, я сошел с ума. И ты виновата в этом. Я обещаю, если согласишься добровольно – получишь такие ощущения, которых никогда не увидишь с Денисом. Поедем, Мари...

– Что будет, если я не поеду?

– Ты не оставишь мне выбора, – сообщил он будничным тоном. – Твои пятьдесят кило для меня особой преградой не станут, а крикнуть ты не успеешь – я неплохо владею восточными техниками и могу выключить тебя совершенно незаметно для окружающих. Не доводи до греха.

Я не успела ничего сказать больше – он выпустил мою руку, его большой палец скользнул по позвоночнику, и на меня обрушилась темнота.

Я не поняла, сколько прошло времени, прежде чем я пришла в себя. Очнулась на широкой кровати без ножек – просто каркас и спинка, брошенные на пол, а на них – матрас. Покрутив головой, поняла, что не у Дениса – какой-то подвал, обложенный кирпичом. На противоположной стене – настоящий камин, возле него – связка дров и кресло. Олег сидел на стуле, развернув его спинкой вперед и опираясь на нее руками.

– Очнулась? Прости, я не рассчитал немного, все-таки рука у меня на мужчину поставлена. Голова не болит?

Голова не болела, но зато спина ныла так, словно в позвоночник воткнули гвоздь.

– Зачем ты это сделал? – хрипло спросила я.

– Я не люблю уговаривать кого-то.

– Ты... нарушаешь...

– Ну, про БРД мне рассказывать не надо. Я не собираюсь тебя насиловать, ты согласишься и сама.

– Ты в этом уверен?

– Мари, если бы ты не хотела, то сейчас орала бы благим матом, стараясь привлечь хоть чье-то внимание. Ты ведь не знаешь, что этот подвал находится под гаражом в самом дальнем углу гаражного массива, здесь почти никогда никого нет.

И тут до меня дошло, где мы. Этот подвал принадлежал Мерзкому Эндрю, старинному приятелю Дениса. То-то стенки мне показались знакомыми... Эндрю периодически сдавал эту студию разным Верхним, желавшим поэкспериментировать – тут было все, чтобы разнообразить тематические практики. Дыба, «андреевский крест», козлы для порки, кольца и растяжки, блоки для подвесов... Словом, есть, где порезвиться.

– Денис знает?

– Какая разница? Да и зачем ему об этом знать? Захочешь – расскажешь сама, я подтверждаю все, что ты скажешь. Делай так, как тебе лучше.

– Все продумал, да? Ясное дело, что тебе он претензий не предъявит, вы же друзья. А как же со мной? Ты не подумал об этом?

– Подумал. Захочешь от него уйти – я всегда тебя приму.

На меня накатился истерический хохот, я скорчилась на кровати и простонала:

– Ну, ты даешь... Думаешь, Денис даст мне уйти? Мы с ним с семнадцати лет... Да он лучше меня покалечит, чем отпустит.

Лицо Олега сделалось темным и хмурым:

– Я ему этого не позволю.

– Он тебя и не спросит. Я его нижняя.

– И это не значит, что он имеет на тебя право, учитывая все, что я увидел. Ты – нижняя, но не саба, тебе это чуждо. Ты хочешь получать то, что любишь – боль, и больше ничего тебе в Теме не нужно. Тот, кто даст тебе это, получит лучшую мазу, какую только можно представить.

– И ты уверен, что это будешь ты?

Вместо ответа он вдруг встает, подходит к кровати и начинает раздеваться. Я инстинктивно тяну к себе покрывало, хотя сижу в одежде. Самое странное, что я не могу оторвать от него взгляда – от его тела, от его рук, натягивающих вынутую из сумки маску, от его уверенных, хозяйских движений, которыми он снимает одежду с меня. Я даже не сопротивляюсь... Он берет меня на руки и несет к кресту, отворачивает от себя и фиксирует. Я упираюсь лбом в выемку.

– Олег, не надо...

– Уверен, через пять минут ты изменишь мнение, – он закуривает, отойдя к камину.

– Я не люблю, когда меня давят морально, а ты именно это пытаешься сделать – пытаешься меня унижить, заставить почувствовать себя никем.

– Так не в этом ли принцип подчинения, а? Почувствовать себя никем и полностью себя доверить другому человеку? – он давит окурок в пепельнице и подвигает стул ближе ко мне. Я не вижу его, и это почему-то заводит. – Мари, ведь ты все равно хоть чуть-чуть, но получаешь удовольствие? Хоть чуть-чуть, признайся... я же вижу – ты почти плакала, а не говорила ни слова, и твое «не надо» прозвучало как «да... хочу...» – разве нет? – он гладит мои ноги сзади чем-то прохладным, кожаным, и я вздрагиваю. – Не сопротивляйся, я не буду ничего делать – ведь мы договаривались с тобой, помнишь? Я не нарушаю обещаний – если только ты сама не попросишь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.